

Булшит бинго / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Булшит бинго / рассказ БУЛШИТ БИНГО

1.

Все и начиналось пошло: Полина засмотрелась, как Джон закатывает рукав.

Широкая ладонь, косточка запястья, темная, дымчатая, беззащитно мужская рука. А ведь он всегда застегнут даже на верхнюю пуговицу – британская строгость, а кто-то сказал – прячет мужественность. Заметил, что она смотрит и беззвучно засмеялся, прямо глядя ей в лицо... Полина покраснела так, что щипало в глазах.

Было это во время подготовки к защите годового бюджета, Джон приехал тогда в Москву. На следующий день он ей написал: какой в декабре индекс к прошлому году? Кинулась проверять (“ты единственный аналитик, с которым я общаюсь напрямую!”). И когда Ястребова, привычно мешая русский и английский, давала комментарии (“мы получили топ даун гайданс, нужно сделать боттом ап с эффектом аппрайсинга”) – Полина ее не слушала.

На видеоконференции по бюджету была плохая связь, в цифрах нашлась ошибка, Ястребова перехватила инициативу. Вечером, из темноты офиса, лбом к стеклу, Полина смотрела, как на улице женщина в телогрейке продает мандарины. На телефоне мигнуло “Hi”. Он что-то забыл в переговорке – кажется, зарядку – просил принести в гостиницу, в двух шагах. Полина отряхивала снег, пианист в изношенных туфлях играл Рахманинова. Да, это была зарядка – провод затвердел на морозе, Полина протягивала его, неловко выставив вперед руку.

Он пригласил ее выпить чаю в лобби-баре. Некуда приладить сумку...

– Вот же подставка, – сказал он и засмеялся тем же смехом. – Твоя презентация прошла прекрасно.

– Меня не слушали!

– Все слушали, а если кто не слушал – я главный. И я слушал. Оранжевый снег обметал окна, Полина вдруг осмелела и спросила его про детство – а он рассказал. Они жили в Аддис-Абебе, началась война, мама очень помогала. Мама... Он помолчал. Полина отлучилась в уборную, долго держала руки под холодной водой. Ах, он уже опоздал на ужин с боссом, Йозефом Мейером, президентом региона ЕМЕА – Европа, Ближний Восток, Африка. Может быть, Полина пойдет с ним? Вдруг дернуло, какой-то спазм внизу живота, ей стало больно.

– Йозеф подумает, что у нас date, – сказал он и снова засмеялся.

У Йозефа квадратная улыбка, очки в тонкой оправе.

– У них каждый третий заражен ВИЧ. В газетах длинные столбцы, всем до тридцати и все умерли от гриппа, – Йозеф шесть лет прожил в Йоханнесбурге, возглавлял африканский юнит. – Красный крест раздает на улицах контрацепцию – никто не берет! Они танцуют, они поют.

Смирный Джон – голубоглазый, он говорит “go” как “гэу”, “no” как “нэу”, один из пяти глобальных директоров – Джон молчал. Почему, почему он молчит.

– Кажется, вино пахнет пробкой, – сомелье и менеджер долго извинялись, принесли неоткрытую бутылку, фрукты. – А самое опасное животное в Африке – нет, не лев – гиппопотам.

После ужина он проводил ее к ресепшен, такси не ехало из-за снегопада. Снова вдвоем пили чай, Полина бросала в кипяток лед, он с треском ломался. Выходили курить на крыльцо – снег завивался на лету, месяц завивался в небе... «Я ведь давно бросил, но сегодня опять начал, ты делаешь меня слабым».

Потом он широко, по кругу разматывал ее шарф, приближаясь и отдаляясь от ее лица, а у нее сердце колотило так, что на шее подпрыгивал кулон-бабочка.

Нет, не могу так, не сегодня – сама себе открыла дверь, бесшумный ковровый коридор, железный лифт, Йозеф Мейерер в лобби удивленно помахал рукой.

На следующий день отцу стало плохо. Он лежал на боку, как опрокинутый корабль (“ничего страшного, мне надо просто отлежаться...”), на письменном столе – накрытый марлей стакан. Телевизор заложен стопками книг (“телевидение захлестнул поток вселенской пошлости!”), поверх – тонометр.

– Третий день ничего не ест, его рвет, я ему говорю, я говорю... Старая история, каждый раз та же. Зазвонил телефон, мама убежала на кухню (“плохо... слабый... тяжелое предчувствие...”).

Полина примостилась на краю кровати.

– Папа, мы купим участок, построим дом. С большим шкафом, туда влезут твои книги, ты будешь писать. Посадим маленькую голубую елочку.

– Маленькая не интересуется.

– Почему, – спросила Полина и осеклась.

В кармане дрогнул телефон – нет, не Джон.

Пришел коллега-писатель Стуль, громогласный, вечно претендующий на лидерство.

– Ты для чего пишешь? Для вечности или для печати? Я однозначно, однозначно для печати...

Вновь рассказывал отцу о своей первой публикации, о том, как обегал городские стенды – посмотреть, как люди читают ту самую газету.

– Поли-и-иночка! – увидел, громко расцеловал, капелька долго холодила на щеке, Полина стеснялась при нем отереть.

– Марксизм, – отец входил в раж, волнуясь, как будто его не слушают. – Марксизм – самое прозрачное, самое логичное учение... Он, видите ли, сложен! Нам впаривают примитивные нелепости – дескать, каждый может стать миллиардером...

Стуль продолжал рассказывать про фестиваль в Озерках.

– Капитализм порождает унижение! – отцу не хватало голоса, он еле слышно, хрипло кричал. – При капитализме проституция – всеобщая профессия!.. Женщины первыми теряют честь, но мужчины всегда следуют за ними...

Закашлялся, и сквозь кашель:

– Проституция и унижение! Все пороки растут из унижения... Предательство... Гомосексуализм... Обер давит унтера... “Братья Лаутензак”...

– В четверг в доме литераторов...

– Общество евнухов... Всемирная евнухиада...

Уходя, Полина обернулась. Все так же лежал на боку, огромный, родной.

3.

Напились с Соней в “Клаве”. У Сони кудри до линии лифчика, обтягивающая водолазка, грудь и ребра.

– Ну не. Я люблю итальянцев. Не южных, южные базарные, северных люблю, – откидывает волосы.

Соня год назад уехала в инновационный центр в Сингапуре, теперь вернулась в командировку. Листает фото:

– Видишь линию, за ней малоэтажка? Это граница с Малайзией. А здесь – смотри: свайп налево, свайп направо, установи себе. Вон те, слева у стойки. Итальянцы сто процентов.

Заметили. Один небрежный – мятый трикотажный пиджак, на спине надпись “ART”, футболка, шарф, клубочек на затылке, морщит лоб, разглядывает себя в стекло окна. Второй – аккуратный, во всем новом: тонкий пуловер, идеальные, без пылинки, замшевые туфли.

Полина вышла на улицу, позвонила маме. Отцу уже лучше.

У небрежного, пока он говорит, под нижней губой блестит пуговка пирсинга.

– Большой тэатэр, Нэтрэбко, Матсуэф. О, Сингапур? Я был в Северной Корее. Ха-ха-ха, парень больной. Ракеты как фейрверки. Люди, люди, бедные люди. Самое необычное блюдо – ха-ха-ха, нет, не собака, ха-ха-ха. Еще два белых русских, пожалуйста! Саннакджи – живой осьминог. В Париже – диджей Лазар, крутое мероприятие, вечеринка в кафедральном соборе.

– А мои сыновья-близнецы... – Соня рассказывает сразу, значит, небрежный ей понравился.

4.

Утром Полина в сотый раз дергала ватсап. Был он-лайн семь минут назад. Разница с Лондоном три часа, как же рано он встает.

– Tzarina!

(Сообщение от коллеги. Это Мехди из варшавского офиса, он всегда зовет Полину Цариной).

– Ты знаешь про изменение структуры?

– Не знаю.

– Почему у тебя аватарка черная?

– Вчера в Пакистане дрон убил 120 человек.

– Во время свадьбы.

– Bastards.

Мехди откровенный и злой. Подговаривал всех играть на деньги в булшит бинго.

5. (Бинго!)

Копирайтер Вася из агентства, все время трет нос, над ним подтрунивают, на какой-то общей встрече показал под столом брошюру:

– Из Кирилло-Белозерского монастыря. С братом ездили. Очень мне нравится начитывать.

6.

Имя Джона под документами, письмами. Большая буква Джей.

Чего она ждет? Ждет, что он напишет? Ничего между ними не было. Пили чай в лобби, ждали такси.

7.

Таня, стилист. Полушубок из искусственного леопарда, кроссовки, треники с полосой.

– Будешь заказывать? Здесь раф очень вкусный.

Таня показывает картинки.

– Полина, у тебя тонкие черты лица, длинные пальцы, узкие лодыжки. Аристократизм, изящество. Никакого унисекса, никакой иронии, никакого порношика. Очень люблю все это, но тебе нельзя. Только чистая, сдержанная женственность. Мягкие, струящиеся фактуры, шелк, шерсть. Юбки-миди, браслеты-цепочки, серьги-капли.

8.

Психотерапевт с рельефными плечами, три подхода по шесть повторов. Идеально симметричный кабинет, два кресла, два пледа, стол, упаковка салфеток.

– Мы часто путаем любовь и привязанность... Нельзя ожидать, что кто-то другой обеспечит нас целью и смыслом...

9.

Рулонные шторы на огромных офисных окнах опущены, Ястребова говорит:

– Многие сейчас захотят высказаться. Но вы должны быть mature. Подумайте, что и зачем вы будете говорить.

Вечером будет информационное совещание. Объявят о новой структуре организации: филиалы укрупнят, управление перейдет к лондонскому офису. Каждый принесет свою уникальную экспертизу... Каждый может мейк зе дифференс... Командная игра... Гибкость...

Полина замечала, что есть пары, одинаковые по смыслу, но противоположные в оценке. Недостаток лидерства – командная игра, отсутствие видения – гибкость.

Сообщение от Мехди:

– Царина, пошли они!

– Когда я подписывал job offer, мне говорили: ты будешь принимать решения!

– А теперь решать будет Лондон!

– Мехди, не горячись.

– Мир объединяется, это хорошо.

– Ты сама в это не веришь.

– Все конкуренты уже управляются глобально.

(Был он-лайн минуту назад).

10. (Бинго!)

Конференц-зал, стена экранов, на экранах появляются вице-президенты, машут друг другу. Йозеф в квадратных очках. Идеально причесанная Карла. Димитри – прячет ноутбук на коленях. И там, в центре, куда совершенно невозможно смотреть

– застегнутая рубашка в синюю клетку, экран делает глаза синими.

– Царина! Сыграем в булшит бинго?

Варшавский офис на крайнем левом, Мехди не видно – подключился из переговоров.

Булшит бинго – игра, вроде крестиков-ноликов. У игроков одинаковые таблички – пять на пять клеток. Пятью пять двадцать пять, вместе весело играть. В каждой клетке слово – лидершип, холистик, тимплей. Винвин, биг дата, эджайл. Услышали – зачеркиваем. Собрали полную линию из пяти – встаем и кричим: “Булшит!”

– Может ли новая, централизованная структура ослабить многолетнюю культуру лидерства в компании? Нет, не может! Лидер – всегда часть команды. Изоляция в автономном юните – это не лидерство. Это диктатура, мир и без нас полон диктаторов (смех с экранов, смех в зале).

Пум! Мехди: “Bullshit”.

– Общим усилием всей команды...

Пум – “Bullshit”.

– Нам нужен ваш коммитмент...

Пум – “Bullshit”.

И вдруг – он, наверное, задел рукой и отжал беззвучный режим – на всю конференцию, в сто пятьдесят человек: “Bullshit!” – телефонное эхо.

– Будем разбираться, кто это был, – сказала после конференции Ястребова.

11.

Было лето, Полина шла к машине, читая с телефона. Бревно, лафет, сосна, лиственница, сроки, гарантия. Голубая ель Fat Albert.

– Hi!

Вздрагнула.

– Hi, John.

– Какой в России прогноз?

– На третий квартал к плану.

- Сто два.
- Ты скучала по мне?
- Надо было сделать это.
- Девушка! Боже мой, у вас кровь носом! Вот салфетки, они детские... сядьте на бордюр!

12.

- Пришли свое фото. Я визуал.
- Расскажи мне о своих друзьях... где ты живешь, где ты спишь... – не спросила она.
- Какой отель тебе нравится в Барселоне...
- “W”...
- Встречу тебя внизу...
- Put on a dress, nothing under...

Жара, закат, слепило солнце. Вверх по эстакаде – второй круг по Третьему. Уже завтра.

В конце рукава, на входе в самолет опустила пальцем экран уведомлений, не открывая прочитала начало: “Срочно приезжай...” Она увидела это случайно. Она могла не увидеть. В соседних креслах смотрели фильмы, слушали музыку.

- Здесь безобразная еда, когда я это вижу мне даже наш Аэрофлот начинает казаться супер.
- Сколько летаю европейскими компаниями, с Аэрофлотом не сравнить.

Полина воткнула пустые наушники, приглушила звуки. Как она могла срочно приехать? Она уже вошла в самолет. Она уже прошла контроль, как она могла выйти?

Такси. Долго ли осталось ехать? – Три минуты, мисс.

Крутанулась вертушка, открылся сверкающий лифт: Джон, лазурный, сияющий. Hi.

Тридцать третий этаж, Джи Джи Лафферти съют. Стекланный бар, посреди гостиной подвижная круглая сцена, на потолке зеркальный шар. В огромной ванной белый цветок, корзина – что это? Боди баттер?

Снял заколку, распустил ей волосы. Ты чистая. You are pure.
Утром стал деловитым, почистил зубы электрической щеткой.

В аэропорту купила зарядку. Тогда тоже была зарядка... В Аэрокафе сутились официанты, крохотная азиатка тащила огромный поднос...

Включила телефон – двадцать пять вызовов, сообщения с соболезнованиями.

13.

На похоронах готовили еду. Удивительно, сколько старой обуви в шкафчиках в прихожей – раздали гостям. Статуэтки за стеклом, куколки, пузатые слоники. Царапаное пианино, на шкафу гитара в чехле, шахматы, настольные игры. Какой он крупный. Лицо как будто промялось, запало внутрь.

Приходили бывшие студенты. Какого-то старичка усадили в кресло.

– Джон, мой отец умер.

– Oh.

– I'm sorry.

– Hope you are OK.

Через 2 дня заблокировала его везде. Через полгода разблокировала.

– Я визуал.

– Пришли мне фото.

– Send me pics.

– Poshlost.

– New word.

– A good one.

Высокопарная, как ведущая в филармонии. На этот раз всё. Всё.

14.

Курс “Живопись с нуля”. Курс “Как стать блоггером”. Курс “Искусство быть счастливым” – зарегистрироваться. Начать следует с определения факторов, которые ведут к счастью, и факторов, которые ведут к страданию. После этого необходимо постепенно исключить из своей жизни факторы, которые ведут к страданию, и усилить факторы, которые ведут к счастью.

Где ты живешь, Джон? Где ты спишь?

Японская компания Yukai Engineering продемонстрировала электронную замену домашним питомцам – меховую подушку в форме кота.

Кто твой лучший друг, Джон? Чего ты боишься?

Фотограф делает обычный портрет незнакомца, а потом просит того улыбнуться и сравнивает фото. За короткое время проект набрал рекордную популярность.

Отдавая малыша на усыновление, мать записала прощальное видео, которое растрогало более 3,5 млн интернет-пользователей.

Фотография, на которой мужчина выносит мальчика из огня, потрясла жюри конкурса.

Талантливая и невероятно красивая Сетаре Хоссейни из Ирана сделала образы всех знаков зодиака.

То, что творит канадка Мими Чой на своем лице и теле, сложно назвать гримом. Это самые настоящие сюрреалистические шедевры.

Когда ты последний раз плакал, Джон? Кого ты предал? Кто перед тобой виноват?

Артур Арон (Arthur Aron), профессор Университета Стоуни Брук (США), исследовал близкие отношения. Он создал инструмент, который заставляет сблизиться двух незнакомых людей – опросник из тридцати шести вопросов. Их необходимо задать друг другу. Уязвимость и интимные признания создают обстановку, в которой разгорается пламя чувств. Мэнди Лен Кэтрон (Mandy Len Catron) готовит книгу на эту тему – “Проект Лав-стори” (The Love Story Project). Книга обещает стать бестселлером.

Сегодня умер последний на планете самец белого носорога.

15. (Бинго!)

Запарковалась у дома. Над дорогой серебрился снежный дымок. По всей Москве новые храмы. Бревно, лафет, сосна, лиственница. Семья колоколов в рубленом окошке, шесть ниточек отходят от языков, связаны в общий узел. Дернулась зайти, но вышел священник в черной юбке, к нему подошли люди. Они заговорили у входа, и Полина прошла мимо.

16.

365 детокс, фил кул.

17.

Зеленый шот с витграссом.

18.

Флэт уайт.

19.

Макарон лаванда-лимон.

Об авторе: МАРИЯ ЗАБОЛОТСКАЯ

Родилась и живет в Москве. Окончила МГИМО, работала в международных корпорациях. В данный момент учится в Литературном институте им. А.М.Горького. Neкаýalar